

УДК 338.242

С.Ю. Солодовников

S. Solodovnicov

СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА И МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА*

STRUCTURAL POLICY AND MODERNIZATION OF THE REAL SECTOR

В статье выявлена взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики, что позволило сделать вывод о необходимости парадигмальной замены модели выживания отечественных предприятий реального сектора экономики на модель новой индустриализации, т.е. формирования новой структуры народного хозяйства, основой которой должен стать сверхиндустриальный промышленный уклад. Определены мероприятия, которые надо системно претворять в жизнь с целью создания оптимальных условий для реализации этой модели в Республике Беларусь.

The article reveals the interrelation between the state structural policy and the modernization of the real sector of the economy, which made it possible to draw a conclusion about the need to paradigmatically replace the survival model of domestic enterprises of the real sector of the economy with the model of a new industrialization, i.e. on the formation of a new structure of the national economy, the basis of which should be the super-industrial industrial system. Measures are identified that need to be systematically implemented to create optimal conditions for the implementation of this model in the Republic of Belarus.

Ключевые слова: структурная политика, экономический рост, инновационное развитие, научно-техническая революция.

Keywords: structural policy, economic growth, innovative development, scientific and technological revolution.

При изучении взаимосвязи структурной политики государства и модернизации реального сектора необходимо учитывать два обстоятельства: во-первых, существенные (неслучайные, устойчивые, невременные и т.д.) изменения социально-экономической системы в любом социуме, как правило, происходят не моментально, а напротив, требуют продолжительного времени. С точки зрения гносеологии для того, чтобы избежать аберрации близости, необходимо рассматривать изучаемое явление на достаточно продолжительном промежутке времени и, во-вторых, всякое научное обобщение имеет право на существование лишь в случае, когда рассматривается достаточно большое количество объектов.

Структурная политика государства выступает важнейшим компонентом стратегического планирования хозяйственной деятельности на уровне общества. «В стратегическом планировании важнейшей проблемой, – справедливо отмечают

О.С. Сухарев и Е.Н. Стрижакова, – выступает возможность предвидения будущего и определения диапазона планирования. Цель такого планирования состоит в необходимости осуществления эффективного управления экономическими изменениями» [1]. В таком случае стратегическое планирование в контексте структурной политики предполагает необходимость не только выработки достоверных футурологических технико-технологических прогнозов, но и определения того, как это повлияет на трансформацию общественных институтов, форм и способов реализации политико-экономических и коммерческих интересов, которые, в свою очередь, обладают известной самостоятельностью (особенно в формах реализации) по отношению к объективно определяющим их потребностям. Причём последние, в свою очередь, очень динамичны и относительно самостоятельны. По существу, такие определения, как «субъект – носитель активности», «интересы – направления

© Солодовников С.Ю., 2018

* Статья подготовлена при поддержке гранта (договор с БРФФИ № Г17АРМ-001 от 01.06.2017 «Согласование структурной политики Беларуси и Армении в контексте модернизации реального сектора экономики»).

деятельности», «потребности – причина активности» хоть и являются при субстанционально-гносеологическом подходе правильными, но при рассмотрении реальных социально-экономических феноменов оказываются излишне абстрактными и упрощёнными.

При исследовании взаимосвязи структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики следует избегать ошибок, характерных для ряда «классических подходов» к разработке стратегии развития экономической системы [2], когда игнорируется инерция эволюционных изменений. Напротив, вслед за О.С. Сухаревым и Е.Н. Стрижаковой необходимо учитывать, «что планирование, стратегия – это и есть эволюционирующий вместе с системой элемент, а не что-то воздействующее на неё экзогенно. Следовательно, можно говорить о том, что разработка стратегии развития любого уровня экономики и подготовка плана должны включать имманентные особенности эволюционного процесса данного и сопряжённых с ним уровней. В этом смысле происходит преобразование этапов решения стратегических проблем, включавших ранее: осознание необходимости решения проблемы, формулировку вариантов её решения, оценку вариантов по критерию привлекательности, процедуру выбора одного или нескольких вариантов. В названную схему добавляется ещё один этап: выявление закономерностей эволюционного процесса системы и оценка потенциальной эффективности происходящих – управляемых и неуправляемых – изменений» [3]. Таким образом, по мере реализации структурной политики, направленной на модернизацию реального сектора экономики, будет эволюционировать не только этот сектор, его технико-технологическая база, но и сама структурная политика. Причём эта трансформация может иметь принципиально разные последствия, а именно: либо инерция, традиции в формировании, методах, инструментах и формах реализации структурной политики будут всё больше и больше отдалять эту политику от реального состояния объекта планирования, делая её всё менее и менее эффективной, либо сама эта стратегия должна достаточно быстро эволюционировать вслед за изменениями реального сектора экономики, встраиваясь в живой хозяйственный механизм, ориентируя его в направлении инновационного развития.

Необходимо учитывать, что «в теоретическом плане всегда существует проблема выбора между долгосрочными инвестициями в науку и в разработки <...>, а также текущей модернизацией производства (краткосрочная жизнеспособность)» [4]. Академик А.Л. Асеев подчёркивал: «Отказ от фундаментальных исследований – глубочайшее заблуждение. Достаточно вспомнить, что одной

из причин поражения Германии во второй мировой войне стало то, что в 30-е годы национал-социалисты, придя к власти, решили: фундаментальная наука не нужна, незачем на неё деньги тратить. К сожалению, память у нас короткая... И Германия в области фундаментальных исследований допустила такое отставание, что до сих пор пользуется трудом зарубежных учёных, в том числе российских» [5]. М.В. Мясникович отмечал, «что вкладываемые в науку средства в перспективе окупаются многократно, общеизвестно» [6]. И далее: «То есть, если мы, как страна, хотим иметь достойное и суверенное будущее, в основу своего развития мы должны поставить знания, развитие своего научно-технического потенциала. Поэтому с самого начала одной из стратегических задач Президента Республики Беларусь, Правительства нашей страны всегда было сохранение и развитие как фундаментальной, так и прикладной науки» [7]. Вместе с тем любой экономист-практик осознаёт, что модернизировать производство надо сегодня и сейчас, а ещё лучше – вчера. Из этого следует вывод, что перед органами государственного управления при разработке структурной политики (долгосрочная жизнеспособность) и политики технологической модернизации реального сектора экономики (краткосрочная жизнеспособность) всегда будет стоять задача определить оптимальное соотношение между ними. Любой перекоп неизбежно приведёт к снижению жизнеспособности экономической системы общества, социума в целом.

При реализации структурной политики наблюдаются две разновидности изменений: «во-первых, запланированные изменения, которые обеспечены только внутриорганизационными решениями и процедурами (правительственного или корпоративного уровня) и, во-вторых, изменения адаптации, которые происходят в результате перемен в отношениях с элементами внешней среды, касающихся как отдельных агентов экономики, так и экономики в целом» [8]. Названная классификация характерна и для изменений, возникающих в рамках взаимовлияния структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики. Необходимо также учитывать то обстоятельство, что «область стратегического планирования и поведения непосредственно связана с прошлым опытом поведения – сохранёнными в памяти системы управлениями схемами (моделями) поведения, принятия решений, включая планирование. При разработке стратегии развития системы очень важно учесть инерцию её эволюции» [9], поскольку «настоящее и будущее связаны с прошлым социальными институтами, а применительно к экономической системе: рутинными, памятью опытом и зафиксированными в них технологическими возможностями и преимуществами» [10].

Применительно к объекту нашего исследования – взаимосвязи структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики – влияние инерционности значительно усиливается. Это обусловлено тем, что инерционность планирования структурной политики усиливается инерционностью промышленной, сельскохозяйственной и региональной политик, которые влияют на методы, формы, темпы и приоритеты модернизации реального сектора.

Помимо вышеназванных обстоятельств в настоящее время негативное влияние на совершенствование структурной политики государства в контексте модернизации реального сектора экономики оказывает отсутствие в экономической науке чётких теоретических представлений о том, что же следует понимать под технологической эволюцией. В данном случае наблюдается частный случай того, когда «в результате терминологической путаницы, отсутствия категориальной определённости, в последние десятилетия в мире наблюдается увеличение отрыва экономических практик от их теоретического осмысления» [11]. В российской научной литературе гносеологическая проблема отсутствия представления о технологической эволюции как категории описывается так: «Известна идея – представить технологическую эволюцию как смену неких технико-экономических парадигм (К. Перес), в российской более поздней версии – так называемых технологических укладов. Эти вещи ретроспективные, классификационные, это абстрактные схемы, ничего не проясняющие в технологическом развитии, поскольку никто ничего не может сказать о шестом (иногда и о пятом!), не говоря уже о седьмом или восьмом укладе (парадигме). Следовательно, пока точно не установлено, что составляет его основу (уклада), правдоподобно сказать о нём затруднительно, по крайней мере на коротком отрезке времени. Только обернувшись назад, можно сказать о прошлых этапах, условно подразделяя их на некоторые периоды времени» [12]. Иначе говоря, достаточно популярная сегодня концепция смены технологических укладов представляет собой ретроспективную концепт-схему.

Однако этой идее придаётся вес не только как ретроспективной концепции-схеме [13], а как основе для текущей экономической политики. Так, в работе «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике» [14], вышедшей в 2009 г., отмечается, что «всплеск и падение цен на энергоносители, мировой финансовый кризис – верные признаки завершающей фазы жизненного цикла доминирующего технологического уклада и начало структурной перестройки экономики на основе следующего уклада» [15]. Оставляя в стороне вопрос, почему во время мно-

жества других мировых экономических кризисов, регулярно повторяющихся во второй половине XX – начале XXI в. и нередко сопровождаемых всплеском и падением цен на энергоносители (например, мировой кризис 1974–1975 гг.), это не свидетельствовало о смене доминирующих технологических укладов, отметим только, что социальная парадигма смены технологических укладов категориально не описана. О.А. Наумович отмечает по этому поводу: «Однако, отсутствие стройных (внутренне непротиворечивых) понятийных рядов негативно сказывается в том плане, что любое, даже самое точное и совершенное определение (если оно не вписано адекватным образом в понятийный ряд, т.е. систему других взаимосвязанных понятий и категорий) не позволяет содержательно решить сложную многоуровневую задачу, не только раскрыть сущность того или иного технологического уклада как социально-экономического феномена, но и как определённой стадии развития человеческого общества, определённого этапа в развитии экономики, определённого этапа в развитии самого общества, жизни людей, политэкономически как феномена, но и одновременно раскрыть те факторы или сущность, почему оно возникло, т.е. его генезис» [16]. Сложившаяся в экономической науке постсоветских стран после 1991 г. ситуация, характеризующаяся отказом многих учёных-экономистов, работающих в конкретно-экономических направлениях, от теоретико-методологической проработки принципов своих исследований, создала условия для слепого копирования технологической политики западных стран. Например, если западные страны активно развивают нанотехнологии, то и мы будем поступать так же. Ошибочность такого подхода к планированию сегодня критикуется многими учёными [17]. При этом справедливо подчёркивается, что в структурном и технологическом планировании «нужно учитывать текущее состояние базовых технологий» [18], поскольку в ситуации резкого отставания от сверхиндустриальных стран базисных машиностроительных технологий, инженерной работы и оказания услуг промышленного характера «никакие рецепты вложений в нанотехнологии не только нельзя назвать обоснованными, но они порождают дополнительные структурные перекосы и не являются отражением той системности действий и развития общих технологий, которые могут потребовать на следующем этапе и нанотехнологий, как неотъемлемого элемента в некотором объёме, который будет задан масштабом и потребностями экономики, её общей технологичностью» [19].

В частности, отдача от опережающего развития услуг промышленного характера («опережающий характер развития этих услуг позволяет обеспечивать формирование нового национального про-

мышленного комплекса, основывающегося на наукоёмких высокотехнологичных и среднетехнологичных (высокого уровня) отраслях и модернизированных в сторону повышения доли добавленной стоимости, снижения материалоемкости и импортоёмкости традиционных отраслей промышленности» [20]), не только способствует формированию современной структуры экономики, но и может принести куда больший эффект для модернизации реального сектора. Ю.В. Мелешко справедливо отмечает по этому поводу: «В контексте четвёртой промышленной революции значение услуг промышленного характера в формировании конкурентоспособности промышленных предприятий увеличивается, поскольку именно благодаря этим услугам может быть организовано эффективное производство нового типа («умные заводы») и реализована клиентоориентированная (в широком смысле) политика предприятий» [21]. Названный автор также подчёркивает, что в современных условиях «инновационная активность предприятий промышленного комплекса напрямую зависит от использования услуг промышленного характера, при помощи которых решается задача повышения конкурентоспособности промышленной продукции путём совершенствования производственного процесса на всей цепочке создания стоимости» [22]. При этом следует принимать во внимание тот факт, что развитие услуг промышленного характера не требует таких больших инвестиций, как создание наноиндустрии, позволяет быстро окупаться, а также приносит дополнительные положительные синергетические эффекты.

Иначе говоря, если структурная политика государства направлена на научно обоснованное опережающее развитие услуг промышленного характера, то модернизация реального сектора экономики будет проходить быстрее, последовательнее и потребует относительно меньших издержек, чем в случае, когда структурная политика ориентируется на достижение мифологизированной (т.е. научно не обоснованной) цели достижения шестого, седьмого или ещё какого-то более высокого технологического уклада в стремлении идти по пути экономически развитых стран. О.С. Сухарев и Е.Н. Стрижакова справедливо замечают, что «слабо обоснованные теоретические позиции являются основанием для ошибок и неверного выстраивания текущей экономической и в частности научно-технической политики государства» [23].

Существующие сегодня в Республике Беларусь институты, отвечающие за функционирование органов планирования социально-экономического развития, будут оказывать значительное влияние как на разработку и реализацию структурной политики государства, так и на модернизацию реального сектора экономики. «Оценка структурной

динамики представляется важнейшей научно-практической задачей, поскольку по большому счёту стратегические проблемы социально-экономического развития развёртываются вокруг двух векторов: население имеет желание жить комфортно (благоустроенно, с недорогим доступом к важнейшим социальным функциям), социально-экономическая инфраструктура должна отражать и удовлетворять основные потребности граждан, в том числе в творческом труде. По этой причине определяющим условием развития выступает укрепление промышленной базы, занятости и стимулирование роста доходов населения, создание дохода посредством продуктивной деятельности (ибо непродуктивная деятельность не доставляет комфорта)» [24].

Решить эту проблему рыночными инструментами невозможно, поскольку проведение модернизационной структурной политики подразумевает концентрацию ресурсов на секторах экономики и отдельных экономико-образующих предприятиях, которые должны обеспечить технико-технологическую модернизацию страны, а логика современного рынка (когда крупные предприятия, как правило, находятся в акционерной, т.е. коллективной собственности) требует от руководства частных компаний обеспечивать постоянный рост капитализации организации (рост котировки акций более быстрый, чем у конкурентов на рынках ценных бумаг), повышение её доходности и т.д. Иначе говоря, здесь постоянно наблюдается конфликт интересов при определении приоритетов: на чём сконцентрировать ресурсы – на текущем росте или на стратегическом развитии? При этом возрастают риски невыполнения планов по структурной перестройке экономики в целом и реального сектора в частности. К тому же, «переход к новым общественно-технологическим укладам, начинающим играть доминирующую роль в социуме, а именно это подразумевается под категорией “новое качество экономического роста”, обязательно вызывает нарушение баланса социально-экономических интересов, активизацию борьбы различных социальных групп и классов за оптимизацию реализации своих интересов в новых политико-экономических реалиях» [25].

Все экономически развитые страны оказывались перед необходимостью ограничения рыночных инструментов хозяйствования в условиях проведения технологической модернизации и решали эту задачу с учётом национальной и исторической специфики, но при этом всегда ограничивали стихию саморегулирующегося рынка. В частности, как отмечает М.В. Афанасьева, сегодня «выявлена ранее неизвестная структурная особенность процесса успешного развития технологически отставших стран, в частности послевоенной Японии

и ей подобных, выражающаяся в двух этапах совершенствования качества экономической системы, отличающихся целевой направленностью и методами решения задач развития. На первом этапе проводилась политика целостного развития экономики, и только в тактическом плане выделялись временно приоритетные отрасли. На втором – государственная помощь крупным корпорациям (прямые субсидии и обеспечение беспрецедентно дешёвых кредитных ресурсов) обеспечила технологическое развитие страны в целом. Меры государственного регулирования обеспечили сохранение национального капитала и направили деятельность и амбиции деловой элиты на развитие собственной экономики за счёт внутренних ресурсов страны» [26].

Предоставляя в условиях структурной перестройки экономики формирование хозяйственных пропорций рыночным «саморегулирующимся» механизмам, «можно породить стохастический процесс развития, с высокой вероятностью крушения планов, пересмотра предпочтений, растраты ресурсов, которая может превзойти потери от неверного планирования экономической политики» [27]. Без активного вмешательства органов государственного управления невозможны «осознанная постановка целей, функциональное обеспечение развивающейся системы управления, оптимизация затрат, повышение устойчивости (адекватности и адаптивности при принятии решений), обоснованность мероприятий (опора на расчёты, включая расчёт и оценки различных видов эффективности), точность в формировании области приложения усилий, учёт времени принятия решений и синхронизации действий, снятие факторов сопротивления и учёт вероятности отторжения отдельных решений и векторов движения (экзогенная и эндогенная устойчивость), оценка прогнозных сценариев (вариантов) развития. Они составляют те необходимые критерии стратегического планирования, которые могут быть реализованы не в виде дополнительной нагрузки уже действующим подразделениям правительства (органам управления), а при систематической работе в рамках координирующей правительственной планирующей структуры» [28]. Ранее нами отмечалось, что особенностью современного этапа «развития экономических отношений является радикальное изменение механизмов организации обмена между производителями и потребителями. Рыночный сегмент, длительное время господствующий в экономически развитых странах, становится периферийным. Для пострыночной экономики характерно наличие высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет-технологий

и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы. Собственно говоря, важнейшим отличием рыночной экономики от пострыночной экономики и выступают новые общественно-функциональные технологии, направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов и ориентированные на противодействие этому разрушению» [29].

Структурная политика, ориентированная на модернизацию реального сектора экономики, может реализовываться только на основе новой индустриализации, обеспеченной современной системой государственного планирования и управления, с широким привлечением к этому процессу институтов общественно-государственно-частного партнёрства и мобилизации для этого процесса необходимых социальных, человеческих, материальных, финансовых, предпринимательских и институциональных ресурсов. В свою очередь, новая индустриализация (иначе говоря, технико-технологическая и институциональная модернизация реального сектора экономики), развивая производственные способности и потребности индивидов, сама будет выступать важным фактором, определяющим границы, направления и темпы структурной эволюции экономики. Это обусловлено тем, что сверхиндустриальная экономика предъявляет новые требования к рабочей силе, а быстро меняющиеся производственные и потребительские потребности в свою очередь обуславливают быстрое, а иногда революционное изменение способностей индивидов. Всё это порождает массу синергетических эффектов, многие из которых невозможно предсказать. Например, в условиях новой индустриальной революции «усиление требований к интеллектуальному уровню рабочей силы, а также к интеллектуализации рабочего места влечёт за собой изменения в системе подготовки и развития рабочей силы, а также изменения в рамках всей системы “производство – распределение – обмен – потребление”». Новые технологии расширяют и возможности современных предприятий. Так, в ближайшем будущем те же 3D-принтеры можно будет использовать не только на территории предприятий, но и непосредственно в месте потребления создаваемой с их помощью продукции, например, на строительной площадке, при “печатании” строительных конструкций» [30]. Н.Ю. Лебедин так описывает ряд важнейших последствий появления и внедрения новых технологий: «Под влиянием новых технологий и роста числа людей, готовых к их практическому применению, создаётся целая индустрия самостоятельного использования сервисов, что, в конечном счёте, стирает границы между производителем и потребителем, между обслуживающим персоналом и клиентом. Это становится фактором воздействия на человека и предполагает решение, как минимум, двух взаимосвя-

занных задач: формирование работника, не только соответствующего новым требованиям, но и способного эти требования создавать; перераспределение работников между отраслями производства благодаря возможностям интернет-технологий и роботизации» [31].

Модернизация реального сектора экономики неизбежно ведёт к сокращению числа занятых в этом секторе при значительном росте производительности труда, что вызывает соответствующие изменения в структуре экономики. В «США за последние полтора десятилетия численность рабочей силы в производственном секторе снизилась более чем на 40% (при кратном увеличении количества используемого высокотехнологичного оборудования). <...> В сфере обслуживания снижение численности работников было более умеренным и составило 15%, при значительном увеличении масштабов самой сферы. Это сопровождалось созданием новых рабочих мест в масштабе, значительно превышающем указанное снижение. Доля базовых отраслей национального хозяйства (добыча полезных ископаемых, обрабатывающая промышленность, энергетика, транспорт, сельское хозяйство, строительство) в валовой добавленной стоимости снизилась до 45% к настоящему времени с 70% в 70-е годы XX века» [32]. Таким образом, существует взаимозависимость между структурной политикой и модернизацией реального сектора экономики.

Основу структурной политики в Республике Беларусь должна составлять парадигмальная замена модели выживания отечественных предприятий реального сектора экономики на модель новой индустриализации, т.е. на формирование новой структуры народного хозяйства, основу для которой должен составить сверхиндустриальный промышленный уклад. Российские исследователи отмечают, что при смене «модели выживания на модель реструктуризации промышленности» [33] лимитирующими условиями этого процесса будут следующие обстоятельства: во-первых, это «мероприятия государственной экономической политики, включая соответствующие законодательные нормы – по банкротству, приватизации, антимонопольному регулированию и др.»; во-вторых, «внешние условия функционирования промышленных предприятий: рыночные структуры, состав и количество конкурентов, потребителей производимой продукции, барьеры входа на рынок, связи с правительственными учреждениями и банковской системой, принадлежность к сектору экономики, его специфические особенности, межотраслевые взаимодействия и т.д.»; в-третьих, «внутренняя организация работы промышленных предприятий, учитывающая накопленный опыт, уровень технологии и знаний, эффективность управления» [34].

Соглашаясь с таким подходом, считаем, что для создания оптимальных условий (для перехода от модели выживания отечественных предприятий реального сектора экономики к модели новой индустриализации) в Республике Беларусь необходимо системно реализовать следующие мероприятия:

1) продолжать формирование рыночной институциональной среды, способствующей развитию предпринимательской инициативы, включая соответствующие законодательные нормы: по банкротству, приватизации, антимонопольному регулированию и др.;

2) развивать институты общественно-государственно-частного партнёрства, в том числе при планировании развития реального сектора экономики;

3) разработать систему мер по обеспечению промышленных предприятий дешёвыми длинными деньгами в количестве, необходимом для быстрого проведения модернизации реального сектора экономики;

4) при совершенствовании концепции развития промышленности в Республике Беларусь уделить внимание таким факторам, как:

- сбалансированность ресурсов, т.е. при строительстве новых и модернизации старых предприятий следует определить источники получения всех необходимых для этого ресурсов: человеческих, технологических, материальных, финансовых, предпринимательских, институциональных;

- мероприятия по решению проблемы высвобождающейся (недостаточно квалифицированной) рабочей силы. Мировой опыт и здравый смысл говорят о том, что всех переучить не удастся и достаточно большое количество людей останутся без работы. Последнее, если не принять надлежащих мер, может угрожать безопасности государства. Большие массы безработных людей, а в нашем случае и склонных к потреблению спиртного, всегда опасны;

- разработка новых и совершенствование старых механизмов по «агрессивному» продвижению белорусских товаров и услуг за пределы страны. Принципиально новых идей в этой сфере пока нет. Вместе с тем без современной логистики, маркетинга, новейших форм и механизмов конкурентной борьбы реализация произведённой продукции и услуг будет проблематична;

5) разработать концептуальные предложения по механизмам повышения мотивации руководителей и трудовых коллективов государственных предприятий;

6) при планировании структурной динамики и технологической модернизации народного хозяйства учитывать демографические реалии Республики Беларусь, а именно то, что количество населения в трудоспособном возрасте будет постоян-

но сокращаться. Это необходимо иметь в виду при планировании новых рабочих мест. Также необходимо принимать во внимание слабую внутреннюю мобильность рабочей силы в нашей стране;

7) окончательное решение о строительстве новых и модернизации существующих предприятий должно приниматься только после проведения комплексной социально-эколого-экономиче-

ской экспертизы с учётом динамики истинных инвестиций;

8) усилить роль социально-научного сообщества в совершенствовании принципов, механизмов и инструментов планирования социально-экономического развития страны, формировании структурной политики и технологической модернизации народного хозяйства.

* * *

1. Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С.9.
2. Цит. по: Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. – СПб.: Питер, 1997. – С.53.
3. Цит. по: Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.10.
4. Цит. по: Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.10.
5. Цит. по: Асеев А.Л. Без науки у России нет будущего // ЭКО. – 2010. – № 1. – С.18.
6. Цит. по: Мясникович М.В. В новом веке движение вперёд возможно только на научной основе. – URL: http://www.soyuzgos.ru/2008/22/22_07_Mjaskovitch.html (дата обращения: 22.02.2018).
7. Цит. по: Мясникович М.В. Указ. соч.
8. Цит. по: Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.10–11.
9. Цит. по: Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.11–12.
10. Цит. по: Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.12.
11. Цит. по: Солодовников С.Ю., Сергиевич Т.В. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D «Экономические и юридические науки». – 2016. – № 5. – С.14.
12. Цит. по: Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.12–13.
13. Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.12–13.
14. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / С.Ю. Глазьев и др.; под ред. С.Ю. Глазьева, В.В. Харитонова. – М.: Тривант, 2009.
15. Цит. по: Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике» / С.Ю. Глазьев и др.; под ред. С.Ю. Глазьева, В.В. Харитонова... – С.17.
16. Цит. по: Наумович О.А. Смена технологических укладов как социально-экономический феномен // Экономическая наука сегодня: сб. науч. статей / ред. кол.: С.Ю. Солодовников (председатель) и др. – Минск: БНТУ, 2016. – № 4. – С.35.
17. Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.8–10.
18. Цит. по: Губанов С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // Экономист. – 2016. – № 2. – С.3–10.
19. Цит. по: Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.13.
20. Цит. по: Мелешко Ю.В. Системообразующие принципы развития услуг промышленного характера // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. трудов XI Международной науч.-практ. конф. – 2017. – С.84–85.
21. Цит. по: Мелешко Ю.В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвёртой промышленной революции) // Экономическая наука сегодня: сб. науч. статей / ред. кол.: С.Ю. Солодовников (председатель) и др. – Минск: БНТУ, 2017. – № 6. – С.78.
22. Цит. по: Мелешко Ю.В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1995–2015 гг. // Экономическая наука сегодня: сб. науч. статей / ред. кол.: С.Ю. Солодовников (председатель) и др. – Минск: БНТУ, 2017. – № 5. – С.143.
23. Цит. по: Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.17.
24. Цит. по: Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Указ. соч. – С.24.
25. Цит. по: Гурский В.Л., Клименко В.А., Фаузер В.В., Сергиевич Т.В. Исследование теоретических основ нового качества экономического роста в контексте перехода к инновационному развитию Республики Беларусь и Российской Федерации // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С.57.
26. Цит. по: Афанасьева М.В. Особенности государственной промышленной политики в условиях модернизации технологической среды: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2011. – С.7.

27. Цит. по: *Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н.* Указ. соч. – С.25.
28. Цит. по: *Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н.* Указ. соч. – С.25.
29. Цит. по: *Солодовников С.Ю.* Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины // *Экономическая наука сегодня: сб. науч. статей / ред. кол.: С.Ю. Солодовников (председатель) и др.* – Минск: БНТУ, 2015. – № 3. – С.23.
30. Цит. по: *Лебедин Н.Ю.* Формирование экономики знаний как ключевое направление общественно-экономического развития // *Известия Санкт-Петербургского экономического университета.* – 2017. – № 5. – С.17.
31. Цит. по: *Лебедин Н.Ю.* Указ. соч. – С.17.
32. Цит. по: *Лебедин Н.Ю.* Указ. соч. – С.17.
33. *Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н.* Структурный анализ развития промышленной системы // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* – 2014. – № 41 (268). – С.28.
34. Цит. по: *Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н.* Структурный анализ развития промышленной системы... – С.28.